Цзин Цичэнь улыбнулся:

— Не стоит так церемониться, сейчас можно просто отсканировать код, это копейки.

— Нет, даже между братьями нужно все считать четко. Я переведу тебе.

— Поговорим об этом позже, — Цзин Цичэнь закрыл дверь.

Янь Сюй спокойно убирал комнату, а Дань-Дань, с куском мешковины на голове, следовал за папой по пятам.

Через несколько минут Янь Сюй услышал стук в дверь. Он подумал, что это вернулся Цзин Цичэнь, но на всякий случай отправил Дань-Даня в комнату.

На пороге стояла Тетушка Чэнь. Она похудела еще больше, глаза ввалились, а кожа на лице начала гнить, будто она только что вылезла из могилы.

Тетушка Чэнь пристально смотрела на Янь Сюя, ее губы шевелились, но ни слова не вырвалось наружу.

Янь Сюй с ужасом смотрел на нее — состояние Тетушки Чэнь было слишком ненормальным. На ее лице и теле были большие черные пятна, от нее исходил отвратительный запах, будто она не мылась годами.

Ее кожа на лице была разодрана, раны почернели, как гниющее мясо.

— Тетушка Чэнь, — Янь Сюй понял, что она, вероятно, пришла за Сяо Дуньэром, и сглотнул.

Тетушка Чэнь покачала головой, в ее глазах была мертвая тишина и печаль. Ее голос был грубым, будто в горле скреблись песчинки:

— Сяо Янь, Сяо Дуньэр у тебя?

— Да, еще спит, — ответил Янь Сюй, ведь Тетушка Чэнь была родной матерью Сяо Дуньэра и никогда не била его, — Разбудить его?

— Нет! — голос Тетушки Чэнь внезапно стал громче, она схватила руку Янь Сюя, но тут же отпустила, — Сяо Янь, спасибо тебе.

Тетушка Чэнь достала из сумки банковскую карту и сунула ее в руки Янь Сюя, в ее глазах блестели слезы:

— У меня больше ничего нет, это все мои сбережения. Если Сяо Дуньэр провинится, ты можешь его наказать. Он мальчик, выдержит.

— Что вы имеете в виду, Тетушка Чэнь? — Янь Сюй не понимал, — Я…

Тетушка Чэнь опустила голову, не решаясь смотреть на Янь Сюя:

— Я не знаю, что делать, нельзя так продолжать. Я подвела Сяо Дуньэра, но я не могу доверить его никому. Сяо Янь, я знаю, ты хороший человек.

Янь Сюй, получив «медаль» хорошего человека, был в замешательстве. Судя по всему, Тетушка Чэнь хотела, чтобы он взял Сяо Дуньэра на воспитание.

— Пароль знает Сяо Дуньэр, — произнесла Тетушка Чэнь последние слова и снова превратилась в подобие зомби, не глядя на Янь Сюя, направилась домой.

Видя состояние Брата Чэня и Тетушки Чэнь, Янь Сюй не решался отпускать Сяо Дуньэра обратно. Какими бы ни были взрослые, ребенок не виноват.

К тому же Сяо Дуньэр всегда был послушным, хотя это послушание было скорее наполнено страхом. Он не был таким по характеру — какой мальчик семи-восьми лет не доставляет хлопот взрослым? Когда он играл с Дань-Данем, Сяо Дуньэр ничем не отличался от других детей.

Янь Сюй закрыл дверь и вернулся в комнату, глядя на спящего на диване Сяо Дуньэра — ребенок спал крепко, и, возможно, из-за яркого света он прикрыл голову крыльями. Дань-Дань стоял рядом с Сяо Дуньэром, прижимая одеяло, чтобы тот не простудился.

Сейчас работал кондиционер, и спать без одеяла действительно могло привести к простуде.

Цзин Цичэнь вошел с пакетом продуктов, переобулся и направился на кухню, говоря Янь Сюю:

— Я забыл, какой вкус ферментированного тофу ты любишь, звонил, но ты не ответил. Поэтому купил несколько видов, выбирай сам.

— Телефон в спальне, наверное, был в беззвучном режиме, — смущенно ответил Янь Сюй, — Я не специально.

Цзин Цичэнь улыбнулся, не придав этому значения:

— Я не в обиде, просто сообщил.

Каша была почти готова. Янь Сюй знал, что Цзин Цичэнь не ест другую пищу, поэтому сварил кашу из горной родниковой воды и бамбукового риса, а также отдельно приготовил небольшую порцию каши из проса для Сяо Дуньэра, когда тот проснется.

Дань-Дань плавал в родниковой воде, не прыгал, не капризничал, будто ему больше ничего не нужно было. Если бы туда добавили бамбуковый рис, он бы, наверное, вознесся на небеса.

Сяо Дуньэр спал уже долгое время, и его раны, похоже, зажили. Янь Сюй легонько похлопал

его по крылу. Сяо Дуньэр медленно открыл глаза, почувствовав, что раны затянулись, и радостно запищал. Взмахнув крыльями, он запрыгнул на плечо Янь Сюя.

— Пойдем есть, — Янь Сюй погладил Сяо Дуньэра по голове.

Сяо Дуньэр спрыгнул на пол и превратился в человека. Янь Сюй впервые увидел превращение оборотня вблизи и с ужасом заметил, что Сяо Дуньэр превращался, начиная с головы, затем руки и ноги, и наконец тело. Это было похоже на сцену из фильма ужасов.

Но Янь Сюй был человеком с крепкими нервами и не испугался.

Он заставлял себя привыкать, ведь знал, что однажды Дань-Дань тоже станет таким.

Сяо Дуньэр пошел с Янь Сюем завтракать. Увидев Дань-Даня, плавающего в тазу с водой, он широко раскрыл свои большие глаза и спросил:

— Дядя Янь, когда Дань-Дань вылупится?

Янь Сюй растерялся и посмотрел на Цзин Цичэня.

— Скоро, — ответил Цзин Цичэнь. Для оборотней чистая родниковая вода и бамбуковый рис содержали огромное количество духовной энергии. Судя по состоянию Дань-Даня, вылупление должно было произойти в ближайшие дни.

Сяо Дуньэр обрадовался. Хотя Дань-Дань сейчас был хорош, он не мог играть с ним по-настоящему, а Сяо Дуньэр всегда хотел младшего брата. Когда Дань-Дань вылупится, он станет милым малышом.

Однако Дань-Дань, плавающий в тазу, был не слишком рад. Он смотрел, как Сяо Дуньэр, его папа и дядя Цзин сидят за одним столом, будто они были настоящей семьей, и в этом не было никакой дисгармонии.

Это осознание расстроило Дань-Даня. Он вылез из воды, оставив бамбуковый рис, и, весь мокрый, запрыгнул в объятия Янь Сюя.

Дань-Дань: «Папа мой! Дядя Цзин тоже мой! Братик Сяо, не смей отнимать их!»

Если бы Дань-Дань был в человеческом облике, он бы, наверное, уже плакал.

Но Янь Сюй подумал, что Дань-Дань просто капризничает, и не заметил детской ревности. Он нежно погладил Дань-Даня, улыбаясь, полный надежд на будущее:

— Когда Дань-Дань вылупится и сможет превращаться, все будет хорошо.

Янь Сюй мысленно рисовал прекрасную картину:

— Тогда мы пойдем с Дань-Данем в большой парк развлечений, купим ему любимую одежду.

Дань-Дань странным образом перестал ревновать и злиться. Он сидел в объятиях папы и смотрел на Сяо Дуньэра.

Дань-Дань: «Ладно… Дань-Дань поделится папой с тобой».

После завтрака Цзин Цичэнь вызвался помыть посуду, но, как человек, у которого дома была посудомоечная машина, но он никогда ею не пользовался, он разбил три тарелки и две чашки. Это сильно ударило по его самолюбию, и в итоге Янь Сюй выгнал его из кухни, отправив играть с детьми в гостиной.

На улице было жарко, и Янь Сюй несколько дней не выходил из дома, наслаждаясь прохладой кондиционера с Дань-Данем.

Цзин Цичэнь тоже был в отпуске и не хотел выходить, поэтому Янь Сюй, держа Дань-Даня, развалился на диване, рядом сидел Цзин Цичэнь, а между ними устроился Сяо Дуньэр. Они смотрели телевизор, где шла популярная историческая дорама, от которой клонило в сон. Янь Сюй вскоре заснул.

Янь Сюй проснулся от звуков, похожих на рубку мяса, будто он вдруг оказался на рынке рядом с мясной лавкой, где каждый удар топора по кости отдавался глухим стуком, создавая шум.

— Что происходит? — Янь Сюй потер сонные глаза и повернулся к Цзин Цичэню, который продолжал смотреть телевизор.

Цзин Цичэнь, казалось, не обращал на это внимания, будто уже знал, что происходит и почему такие звуки:

— Ничего серьезного, спи дальше.

Но шум был слишком громким, и Янь Сюй не мог уснуть. Он вышел из квартиры, чтобы найти источник звука, и понял, что он исходит из квартиры Тетушки Чэнь. Янь Сюй постоял в нерешительности, но в конце концов постучал в ее дверь.

— Тетушка Чэнь? — Янь Сюй постучал, но никто не вышел, и он позвал ее.

http://bllate.org/book/15574/1386778